

Психология, педагогика, филология

В.А. Григорьева-Голубева*, О.Л. Кузнецова**

Современная речевая ситуация

Тайна языка — главнейшая из тайн человечества: если ее раскрыть, то раскроются многие сокрытые в веках или утраченные знания. Поэтому закономерно, что все чаще объектом изучения для современных ученых-лингвистов становится человек и его место в культуре, личность носителя языка.

Известно, что язык может как способствовать, так и препятствовать самореализации человека. Человек может состояться как личность только при условии, если он адекватно усвоит опыт предшествующих поколений, который в основном передается с помощью языка.

Процессом пользования языком, который обнаруживает себя только через речь, процессом реализации языка является речь. Речь возникает в ответ на необходимость вступить в общение с кем-либо или сообщить что-либо. Как предмет изучения речь в современной науке рассматривается в самых различных аспектах:

- деятельностном, процессуальном;
- формальном, структуральном;
- социальном, коммуникативном, личностном;
- генетическом, в развитии;
- в связях с языком и другими кодовыми системами.

Современная наука накопила значительный объем знаний в области теории и практики речи, речевой деятельности, ее физиологических и психологических механизмов, внутренней речи, восприятия речи слушающими, читающими.

В связи с необходимостью изучать процессы речеобразования, восприятия и формирования речи, решать проблемы речевого воздействия возникают такие науки, как культура речи, психолингвистика, прагматика, семиотика, социолингвистика. В последние годы в лингвистике бурно развиваются направления, связанные с изучением речевого поведения человека с помощью анализа процесса реального речевого общения – лингвоэтология (неолингвистика). Выделение коммуникативной функции речи позволяет сконцентрировать внимание на закономерностях употребления языка в речи и на социально-психологических условиях осуществления языковой деятельности.

Однако люди отличаются друг от друга, и в том числе – в своих речевых поступках. Только в речи индивида язык достигает своей окончательной определенности. Речевое поведение составляет существенную характеристику личности. Попытки выделить отличительные особенности речевого поведения и речевой деятельности привели к возникновению в науке нового объекта изучения – языковой личности.

Определение человека по одному из основных признаков, отличающих его от других живых существ тем, что он – существо, одаренное словом, способностью говорить, общаться принадлежит Аристотелю. Первое же обращение к языковой личности связано с именем немецкого ученого Й.Л. Вейсгерберга. В русской лингвистике понятие языковой личности разрабатывали Г.И. Богин, В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов, А.А. Леонтьев.

Существуют различные концепции языковой личности. Мы будем оперировать термином «языковая личность», именуя так субъекта, обладающего совокупностью способностей и свойств, позволяющих ему осуществлять сугубо человеческую деятельность – говорить, общаться, создавать устные и письменные речевые произведения, отвечающие цели и условиям коммуникации, извлекать информацию из текстов, воспринимать речь; человека говорящего, красноречивого (*Homo eloquens*), общающегося (*Homo communicans*).

* Заведующая кафедрой психологии Невского института языка и культуры, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный учитель Российской Федерации.

** Профессор кафедры русского языка Санкт-Петербургского университета МВД России.

Говоря о языковой личности, мы затрагиваем одну из граней личности индивида – ту, что показывает его отношение к языку и речи. Своеобразие же коммуникативных проявлений личности определяется деятельностью ее сознания, которое, как считал Л.С. Выготский, есть «частный случай социального опыта»¹.

Можно сказать, что языковая личность обнаруживает свои коммуникативные способности и свойства в «продуктах» своей коммуникативной деятельности – текстах, широко понимаемых как любые устные и письменные высказывания монологического и диалогического характера. В связи с этим определяющее значение для языковой личности в устной речи имеет понятие коммуникативного акта (единицы коммуникации), речевой ситуации (термин Б.Н. Головина) и способ ее разрешения (рис. 1).

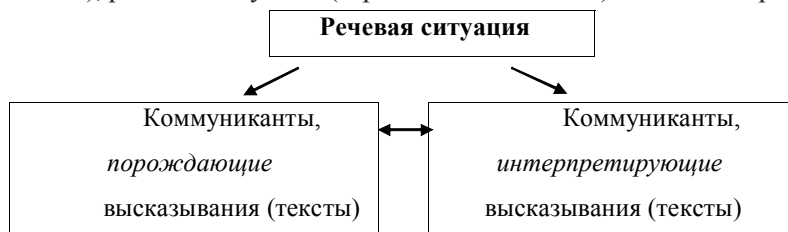

Рис. 1. Речевая ситуация

Основы описания речевой ситуации показаны еще Аристотелем: «Речь складывается из трех элементов. Из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается»². Данные элементы стали основополагающими в описании структуры коммуникативной речевой ситуации. Понятие речевой ситуации тесно связано с речевым этикетом и складывается из нескольких элементов: изменение одного элемента влечет за собой выбор иной этикетной формулы.

Иначе говоря, **тексты**, представляющие единство содержания и речи, с помощью которой формируется это содержание, **могут служить характеристикой языковой личности** (достаточно вспомнить народную мудрость: «Скажи мне слово, и я скажу, какой ты человек»). Текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли, запечатлевая в себе динамику мысли и способы ее представления с помощью языка.

Развернутое и систематическое описание правил (постулатов, принципов) общения дал П.Грайс. Основной принцип («принцип кооперации») состоит в требовании организовать взаимодействие в соответствии с целью и направлением разговора. Этот принцип диктует необходимость выполнять четыре условия (постулата): полноты информации; качества (говори правду); релевантности (не отклоняйся от темы); формы (манеры) взаимодействия.

Не менее важным является «принцип вежливости». Его выполнение возможно при следующих условиях: будь тактичным; будь великодушным; не суди других; будь скромным; избегай конфликтов.

Поэтому понятие **речевой ситуации** является важнейшим для понимания особенностей определения языковой личности. Тогда выделенное из речевой ситуации **речевое событие** характеризуется как основная единица речевого общения. Чтобы полноценно общаться, человек должен располагать целым рядом базовых речевых коммуникативных умений (рис. 2):

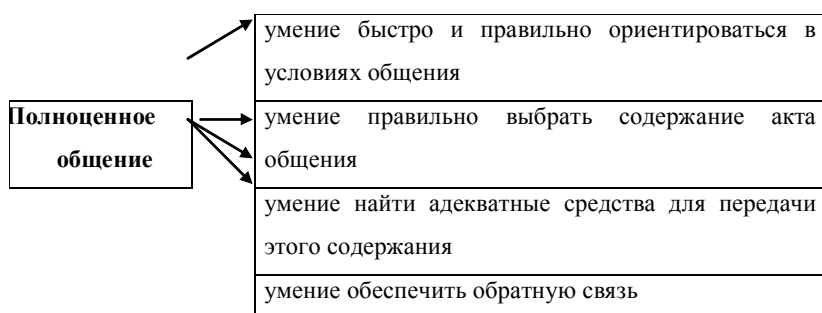

Рис. 2. Базовые речевые коммуникативные умения

Если какое-либо из звеньев акта общения будет нарушено, то говорящему не удастся добиться ожидаемых результатов общения – оно будет неэффективным.

Понятие «языковая личность» предполагает рассмотрение *каждого носителя языка в качестве уникального объекта изучения*. Претендуя на языковую исключительность, люди в сходных коммуникативных ситуациях часто ведут себя одинаково. Это связывают с тем, что говорящие в каждый момент своей речевой биографии демонстрируют особенности группового речевого поведения. Носитель языка как бы фокусирует в себе черты «коллективных языковых личностей». Он может, например, одновременно выступать как языковая личность горожанина, языковая личность курсанта университета МВД России, языковая личность двадцатилетнего мужчины и т.п.

Любое общение – взаимодействие как минимум двух действующих лиц: говорящего и слушающего. Своеобразие речевого поведения участников коммуникации отражает те отношения,

которые возникли между говорящими в рамках социального взаимодействия. Языковые формы меняются в зависимости от того, к кому обращено высказывание. В реальном общении люди постоянно выполняют разные роли. Под социальной ролью понимают нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию. Социальная позиция, или статус, – формально установленное или молчаливо признаваемое место индивида в иерархии социальной группы.

Статусно-ролевое общение основано на **ожиданиях** того, что языковая личность будет соблюдать речевые нормы, свойственные ее положению в обществе и определяемые характером взаимоотношений с собеседником. Представления о типичном исполнении той или иной роли складываются в **стереотипы** ролевого поведения, которые формируются на основе опыта, частой повторяемости ролевых признаков, характеризующих поведение, манеру говорить, двигаться и т.д. Так в сознании членов общества кристаллизуется представление о том, каким должно быть исполнение той или иной роли.

Ролевые признаки речевого поведения проявляются только в коммуникативном взаимодействии языковых личностей. Выделяют два типа ситуаций ролевого общения – симметричные и асимметричные (рис. 3).

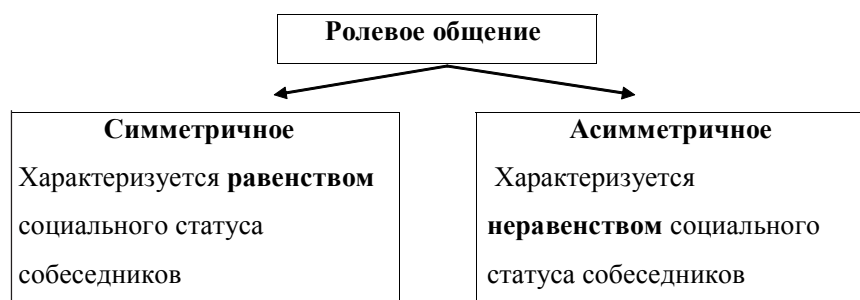

Рис. 3. Типы ситуаций ролевого общения

Речевое переключение в межличностном общении имеет большое значение, т.к. успех коммуникации в значительной степени зависит от владения говорящим и слушателем формами языка, соответствующими данной ситуации. Речь в межличностном общении – разговорная. Для нее характерны: **персональность адресации; спонтанность и непринужденность; ситуативность; эмоциональность.**

Коммуникативная роль говорящих и слушающих, манера их речевого поведения зависят от того, что выходит на первый план в сообщении – информация или контакт. Функционально выделяют два основных вида речевого поведения: *фатическое речевое поведение* (общение) и *информативное речевое поведение* (сообщение).

Задача фатического речевого поведения (ассоциативного способа общения) – говорить, чтобы высказаться и встретить понимание. Это обмен мнениями и чувствами, не логичный, но достаточно искренний. Оба собеседника имеют равные права, они не стремятся прийти к единой точке зрения, решить какую-либо проблему.

Информативное речевое поведение может проявляться различными способами: **совместное решение задачи**: речевые высказывания направлены на достижение общей точки зрения; **задавание вопросов**, при котором адресант должен иметь право задавать вопросы, либо должно быть достигнуто соглашение о цели что-либо узнать; **уточнение понимания**, где разрешаются причины непонимания.

Понятие неконфликтного речевого взаимодействия тесным образом связано с навыками слушания. При этом исходным является утверждение, что слушание – активный процесс, требующий большого напряжения, физического и психологического внимания. Так, называют нерефлексивное, рефлексивное (активное) и эмпатическое слушание.

Нерефлексивное слушание состоит в умении внимательно слушать, молчать, не вмешиваясь в речь собеседника своими замечаниями. Такое слушание полезно, если собеседник хочет обсудить наболевшие вопросы. Здесь возможно использование кратких реплик, невербальных жестов поддержки.

Рефлексивное слушание – это обратная связь с говорящим, используемая для контроля точности восприятия услышанного. Основными видами рефлексивных ответов являются *выяснение, перефразирование, отражение чувств и резюмирование.*

Эмпатическое слушание имеет целью уловить эмоциональную окраску идей говорящего и их значение для другого человека.

Речевая деятельность человека строится главным образом на использовании **готовых** коммуникативных единиц. Формируя высказывание, говорящий прибегает к схемам, шаблонам, клише, опираясь на **этику речевого общения**, которая начинается с соблюдения условий успешного речевого общения: с доброжелательного отношения к адресату, демонстрации заинтересованности в разговоре, «понимающего понимания» – настроенности на мир собеседника, искреннего выражения

своего мнения, сочувственного внимания. Главный этический принцип речевого общения – соблюдение **паритетности**.

В связи с изложенным выше закономерно говорить и о языковой личности курсанта университета МВД России. Ясно, что будущий работник правоохранительных органов должен владеть умением разрешения любой речевой ситуации – его языковая личность должна быть развитой.

Таким образом, определяя современную речевую ситуацию, целесообразно учитывать концепцию языковой личности как сквозную идею, «которая пронизывает все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне языка», как писал Ю.Н. Караулов³. А Л.В. Щерба считал, что «жизнь людей не проста, и если мы хотим изучать жизнь – а язык есть кусочек жизни людей, – то это не может быть просто и схематично»⁴. Поэтому во все времена ученые-лингвисты совершенно справедливо отмечают связь между правильностью, чистотой речи и уровнем общей культуры.

Однако наше время – трудное и особое. Сейчас говорят о кризисе культуры страны в целом, о необходимости возрождения не просто культуры, а национальной культуры. И это справедливо. Язык – неотъемлемая и важнейшая часть национальной культуры. В нем, как в капле воды, запечатлена история страны, его духовное богатство.

Дар слова – важнейший дар, дающий возможность постигнуть радость познания и общения, поэтому изучение речевого поведения современного человека, осмысление того, насколько эффективно он использует средства языка в речи – очень важная и актуальная задача. К. Паустовский писал: «Нет ничего такого в окружающей нас жизни и в нашем сознании, чего нельзя было бы передать русским словом: и звучание музыки, и блеск красок и садов, и сказочность сновидений, и тяжелое громохание грозы, и детский лепет, и заунывный ропот прибоа, и гнев, и великую радость, и скорбь утраты, и ликование победы». Но, к сожалению, не каждому дано освоить это богатство сполна. Если в арсенале А.С. Пушкина была 21 тысяча слов, то многие наши современники обходятся несколькими сотнями, а то и куда меньшим количеством слов, что является показателем их уровня мышления и культуры общения.

В глубоком исследовании «Русский язык конца XX столетия (1985-1995)» сделана попытка выделить наиболее значимые черты русского языка конца века. Отмечается, что «резко расширяется состав участников массовой и коллективной коммуникации: новые слои населения приобщаются к роли ораторов, к роли пишущих и с конца 80-х гг. их выступления носят разный уровень речевой культуры; в СМИ резко ослабилась цензура и возросло личностное начало в речи; становится эмоциональной, приобретает конкретность адресата, диалоговость общения; расширяется сфера спонтанного общения: люди уже не произносят написанную речь, они говорят – создается возможность непосредственного обращения говорящего к слушающим и обратной связи слушающих с говорящим. Меняются ситуации и жанры общения, при этом жесткие рамки официального публичного общения ослабевают и сухого диктора радио и ТВ сменяет ведущий, который размышляет, шутит, высказывает своё мнение; резко возрастает психологическое неприятие бюрократического языка прошлого; появляется стремление выработать новые средства выражения, новые формы образности, новые виды обращений к незнакомым; наряду с рождением наименований новых явлений отмечается возрождение наименований тех явлений, которые возвращаются из прошлого, запрещенных или отвергнутых в эпоху тоталитаризма»⁵.

Здесь уместно вспомнить слова Юрия Нагибина, который еще в 1922 г. писал: «Мы, русские, в подавляющем большинстве плохо владеем родным языком. Не нужно сложных доказательств, достаточно послушать наши парламентские дебаты – на каком воляпюке разговаривают народные избранники!»⁶. Сегодня умение вести диалог становится одной из важнейших характеристик личности как социального феномена. Поэтому известный лингвист академик Ю.Д. Апресян считает, что уровень речевой культуры общества определяется относительным весом разных типов владения языком:

1. Высокое искусство слова, представленное в первоклассной литературе. Этот уровень владения языком может рассматриваться как эстетический идеал.
2. Хорошее ремесленное (т.е. профессиональное) владение языком, представленное в хорошей журналистике и в хороших переводах.
3. Интеллигентное владение языком, в котором доминирует здоровое консервативное начало.
4. Полуобразованное владение языком, «соединенное с плохим владением мыслью и логикой».
5. Городское просторечие, молодежный жаргон⁷.

Автор подчеркивает, что именно четвертый тип, воплощающий комплекс «речевой неполноценности» носителя языка, его попытки имитировать культурную речь, привязанность к идеологическим штампам, таит в себе разрушительное начало, ибо речь человека раскрывает его мысли, характер, намерения и чувства. В этом смысле можно сказать, считает французский лингвист Поль Сопер, что «речь человека – это человек в целом»⁸.

Отмечая в настоящее время низкий уровень массовой бытовой культуры, нельзя не заметить, что речевое поведение современной молодежи отличается от речевых стереотипов старшего поколения. Молодых людей, как правило, выделяет стремление ко всему экстравагантному, к отказу от общепринятых норм, протестное поведение, желание заявить о себе. Безусловно это должно проявляться в речи. Подростки, юноши и девушки, молодые люди – все без исключения в той или иной мере тяготеют к особым проявлениям собственной речи – выразительным, эпатажирующим, сниженным. Отсюда и молодежный жаргон, «уличные словечки», англицизмы, постоянные переделки и преобразования «нормальных» русских слов: вместо *тройка* – *трояк*, *тройбан*, *три шара*, *удочка* и прочее, вместо *наслаждаться* – *балдеть*, *кайфовать*, *оттягиваться*, *улетать*, *торчать*,

вместо *девушка* – *чувиха, кадр, мочалка, герла* и т.п. Все это не только «речевое хулиганство», но и специфическая речевая тренировка говорящих, языковая игра, своеобразная проверка возможностей родного языка.

Возрастная потребность молодежи в вызывающем, экспрессивном речевом поведении подкрепляется и другой традиционной тенденцией — стремлением к корпоративности, к объединению по интересам, сплачиванию в группы, в которых тебя лучше поймут, не осудят, оценят. Так, формируются разные молодежные объединения, движения, группировки, команды, стаи, клубы, компании, где говорят в основном о своем и на своем «молодежном» языке. Эти устремления с возрастом ослабевают, проходят. Многие субъекты молодежной культуры и молодежной речи рано или поздно становятся обычными гражданами, носителями общеупотребительного русского языка, теряя интерес к молодежной «продвинутой», а значит, к каким-то сугубо молодежным средствам речевого поведения: нелепо выглядит старец, разговаривающий на молодежном жаргоне.

Следует ли в таком случае бороться за чистоту языка и культуру речи молодых людей? Да, следует! Но делать это надо с ясным пониманием естественной природы их речевого поведения. Очень важно добиваться такого понимания и у самих говорящих. Ведь не так страшны сами по себе слова и выражения типа *тусоваться, прикид, бабки, понты, маза, крыша едет, поставить на уши* и т.п. (некоторые из них даже становятся полужаргонными, а значит, и разговорными!), как опасно неумение регулировать их употребление, без особой нужды использовать в публичной речи, в средствах массовой информации. Ненормативные слова в телевизионном эфире и на страницах печати воспринимаются неопытной в языковом отношении публикой как обычные и пригодные для любого употребления, а это уже нежелательно.

Свобода и раскрепощенность речевого поведения влекут за собой расшатываемость языковых норм. Но даже образованный и культурный человек может допустить оговорки, например, во время спора; и у интеллигентного человека могут возникнуть сомнения в правильности произношения или написания какого-либо слова.

Любая ошибка в речи, нарушение норм современного литературного языка обращает на себя внимание. Например, качество речи в современных СМИ вызывает непосредственный эмоциональный отклик. Однако в современной языковой ситуации можно отметить целый ряд примеров, когда, несмотря на ошибки в речи, говорящий завоевывал симпатии людей.

Наш современник, свободный и раскрепощенный в своей речи, не должен забывать о языковой ответственности: именно с помощью языка передаются культурные и интеллектуальные богатства из поколения в поколение, именно хорошее владение родным языком дает личности возможность полно реализовать себя в профессии и в творчестве — качество языковой среды свидетельствует о духовном здоровье общества.

Современная вербальная коммуникация должна проходить в рамках соблюдения правил речевого общения. Какой должна быть речь? Она должна соответствовать основным законам культуры речи. Перечислим критерии хорошей речи:

- *правильность* – соответствие речи современной литературной норме;
- *богатство* – умение использовать все богатства языка;
- *точность* – «правильность в действии», использование всех языковых средств (не только лексических, но и грамматических) в полном соответствии с их значением;
- *выразительность* – такое ее качество, которое вызывает и поддерживает внимание и интерес аудитории, выразительность достигается самыми разнообразными средствами;
- *уместность* – ее соответствие цели говорящего, теме и жанру речи, характеру аудитории и ее настроенности условиям общения (месту, времени и т.д.);
- *логичность* – это качество, предполагающее умение последовательно, непротиворечиво и аргументировано оформлять выражаемое содержание; собственно лингвистическим условием логичности речи является овладение логикой изложения, не только с лексическим уровнем языковой системы, но и с синтаксической организацией высказывания, она зависит от правильного построения предложений и связного текста в целом;
- *чистота* – качество, демонстрирующее свободную от слов-паразитов, жаргонных, диалектных, просторечных и слов, оскорбляющих нравственность речь.

Нельзя не признать тот очевидный факт, что наша публичная речь, звучащая по телевидению и по радио, наполняющая современную печать, явно злоупотребляет сниженными единицами языка, не только просторечными, молодежными, жаргонными, но часто и нецензурными. Современное публичное речевое общение, получившее лишь недавно свободу самовыражения, тоже стремится к речевому самоутверждению? Пройдет ли эта потребность к особой экспрессивности, эпатажу и желанию выделяться любой ценой? Конечно же, общество в массе своей научится ценить речевую сдержанность, этичность и умеренность общения, овладеет искусством выбора языковых средств для публичных и бытовых ситуаций.

Молодые люди становятся более самостоятельными в выборе речевых средств. Видимо, для них вопрос «Как правильно сказать?» на практике все чаще заменяется на «Как лучше сказать?» или «Когда как надо сказать?». Отсюда острая необходимость учить пользоваться русским языком, учить молодого человека культуре речевого общения. Не запрещать, не карать, а пропагандировать лучшие образцы речи, пробудить желание говорить выразительно, окружать молодых правильной русской речью.

Не случайно на занятиях по культуре речи в Санкт-Петербургском университете МВД России преподаватели воспитывают не только уважительное, бережное отношение курсантов к русскому языку, но и поддерживают интерес к точной и выразительной речи. Видимо, этим объясняется успешное выступление курсантов факультета подготовки оперативных работников в городской межуниверситетской олимпиаде по русскому языку и культуре речи (ноябрь 2004 г.).

С культурой речи прямо связано использование иноязычных слов в родной речи. Интенсивный рост заимствований в последнее десятилетие в значительной степени определяет речевой портрет молодого россиянина конца XX в. К социально-психологическим факторам, объясняющим широкое распространение заимствований, можно отнести восприятие иноязычного слова как более престижного, связь его с элитарной культурой. Непонятность иноязычного слова часто ведет к коммуникативным сбоям.

Точность, опрятность, говорил А.С. Пушкин, есть первые достоинства прозы; она требует мысли и мысли. Ссылаясь на эти пушкинские слова, известный судебный деятель П.С. Пороховщиков в книге «Искусство речи на суде», вышедшей в 1910 г., пишет о том, что если изящество и красота слога в сущности роскошь, дозволительная для тех, у кого они появляются сами собой, то в отношении чистоты своей речи оратор должен быть неумолим. Это требование сохраняет свою силу и в наше время.

Особенно это важно помнить будущим юристам. Главным недостатком судебных речей Пороховщиков считает злоупотребление иностранными словами. Большинство этих незваных гостей, по его мнению, совсем не нужны нам, потому что есть русские слова того же значения, простые и точные: *фигурный* – вымышленный, мнимый; *инициатор* – зачинщик; *инспирировать* – внушать; *доминирующий* – преобладающий, господствующий; *симуляция* – притворство и т.д.

Во многих случаях, считает он, для известного понятия у нас вместо одного иностранного слова есть несколько русских слов, и тем не менее все они вытесняются из употребления неуклюжими галлицизмами. Мы встречаем людей, которые по непонятной причине избегают говорить и писать слова: *недостаток*, *пробел*, *упущение*, *исправление*, *поправка*, *дополнение*; они говорят: *коррективы*, *дефект*, вместо слов *расследование*, *опрос*, *дознание* им почему-то кажется лучше сказать *анкета*, вместо *наука* – *дисциплина*. Хуже всего то, что эти слова приобретают понемногу в нашем представлении какое-то преимущество перед чисто русскими словами...

В рецензии на книгу Пороховщикова выдающийся русский юрист А.Ф. Кони поддержал его позиции в борьбе за чистоту русской речи. Приведя примеры многочисленных ненужных заимствований (*прекратность*, *таксировать*, *ингредиент*, *инспирировать*, *адекватно* и др.), он делает следующий общий вывод: *«Вообще привычка некоторых из наших ораторов избегать существующее русское выражение и заменять его иностранным или новым обличает малую вдумчивость в то, как следует говорить. Новое слово в сложившемся уже языке только тогда извинительно, когда оно безусловно необходимо, понятно и звучно. Иначе мы рискуем вернуться к отвратительным искажениям русского официального языка после Петра Великого и почти до царствования Екатерины, совершаемым притом, употребляя тогдашние выражения, “без всякого резону по бизарии своего гумору”»*.

Вопросы иноязычных заимствований оказываются и постоянными и в то же время вечно новыми для любого живого, развивающегося языка. В мире практически нет языков, которые не имели бы заимствований, да это и понятно. Ведь взаимодействие языков – это прежде всего взаимодействие разных культур, их взаимообогащение.

Конечно, неразумно призывать к тому, чтобы вообще не употреблять иностранные слова, как это делали в прошлом веке А.С. Шишков и В.И. Даль. Они даже пытались заменить иноязычные слова русскими. Например, вместо слова *аллея* предлагалось использовать слово *просад*, вместо *бильярд* – *шарокат*, вместо *библиотека* – *книжница*, вместо *фонтан* – *водовет*. В.И. Даль внес предложение заменить слово *адрес* словом *насыл*, слово *атмосфера* – словом *мироколица*, слово *гимнастика* – словом *ловкосилие*.

Подобные попытки потерпели неудачу. Культурно-экономические связи между народами неизбежно ведут к появлению в разных языках особого фонда заимствованных слов, многие из которых так хорошо приживаются в заимствовавшем языке, что их употребление уже ничем не отличается от исконных лексем этого языка. В последнее время такие наши русские слова, как *перестройка*, *ускорение*, *гласность*, вошли в другие языки мира.

Однако надо помнить о том, что употребление иноязычных слов нередко становится источником речевых ошибок: и значение лексемы учтено, и лексическая сочетаемость, и оттенки, а рекомендовать такое употребление все же нельзя. Вот примеры: «Ниловна чувствовала, как происходит *эволюция* ее сознания» (по-русски *изменение, развитие*). Часто вследствие употребления своего и чужого слова возникает плеоназм: «Решение этой задачи *элементарное*, простое»; «Мы ограничены *лимитом времени*» (заимствованные лексемы здесь ничего нового не добавляют к высказыванию, их можно убрать). «Вы мне не *импонируете*» (не нравитесь); «Среди собравшихся *превалировали* первоклашки» (преобладали); «*Кардинальный* пункт расхождения между нами – новый роман Бондарева» (существенный, важный, главный); «Ну, вы меня просто *эпатировали* этим сообщением» (потрясли, ошеломили, оглушили) – вот примеры неоправданного употребления иноязычных слов в речи. Трудно не согласиться с В.Г. Белинским, писавшим: «Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, – значит оскорблять и здравый смысл и здравый вкус».

Однако надо сказать, что современная жизнь рождает новые международные процессы, которые можно определить лишь термином, который был бы понятен на всех языках и точно выражал характер явления. Ясно, что если человек хочет участвовать в современной общественно-политической и коммерческо-экономической жизни или просто хорошо разбираться в них, он должен пополнять свой словарный запас, в т.ч. и за счет необходимых иноязычных заимствований.

Таким образом, помня о том, что «слова молвятся неспроста», не надо забывать о тех, которые нужны для того, чтобы правильно и однозначно выразить ту или иную мысль.

Нередко в недостаточно отработанной речи встречаются «слова-паразиты»: *значит, так сказать, ну, это самое, как его, вообще, как бы и др.* Психологических причин появления этих слов немало. Это и страх перед аудиторией, и боязнь сказать что-то «не так», неправильно; это и внутренняя неуверенность от недостаточной подготовленности, и, наконец, своеобразное стремление к непрерывности речи во что бы то ни стало. Опытный, умелый оратор должен одинаково избегать и нарочитого оригинальничанья, и затертых, избитых, обесмысленных выражений (Л.В. Щерба называл такие словечки упаковочным материалом – люди как бы суют их между значимыми словами, чтобы не дать им разбиться друг о друга). Известный юрист и публицист прошлого века П.Сергейч (П.С. Пороховщиков) пишет в книге «Искусство речи на суде» о ненужных «вставных» словах, словах-паразитах: *«Один из обвинителей имеет привычку к паузам. В этом нет еще недостатка, но в каждую из остановок речи он вставляет слово “хорошо”. А это уже очень плохо. Молодой шорник обвинялся в убийстве. В короткой и деловой речи помощник прокурора отказался от обвинения его в умышленном убийстве и указал на возможность признать убийство в драке (неумышленно). Но в речи были три паузы, и присяжные три раза слышали “хорошо”! Невольно думалось: человека убили, что тут хорошего? Другой обвинитель ежеминутно повторяет “так сказать”. Отличительная черта этого оратора – ясность мышления и смелая точность. А он как будто кается в неумении определенно выражаться, прибегая постоянно к “извинительному” обороту “так сказать”...».*

А современный нам человек, вполне возможно, добавит «как бы»!

Если вслушаться в речь окружающих, то сразу услышишь, сколько в ней ничего не означающих полуслов-полумеждометий, или *словидов*, по меткому замечанию Л.В. Успенского. Видно, что нанизывание в речи слов-паразитов, речевых штампов, канцеляризмов свидетельствует о бедности словарного запаса, о беспомощности говорящего.

Речь, изобилующую речевыми штампами и стереотипами, К.И. Чуковский назвал «канцеляритом» – заболеванием «канцлярским вирусом»: «Гордость послышалась мне в голосе одного незнакомца, который подошел к моему другу, ловившему рыбу и спросил: “Какие мероприятия предпринимаете для активизации клева?”»

Еще одна чрезвычайно острая тема связана с засорением и огрублением нашей речи, с употреблением грубой ненормативной лексики, которая, к сожалению, стала у нас почти обыденностью. Журналисты справедливо пишут об утверждении языкового «богохульства», речевой вседозволенности в среде интеллигенции, когда она возникает как вызов бесцветному, выхолощенному языку штатных ораторов застойных лет, своеобразное бравирование личной «раскрепощенностью» и смелостью.

Совершенно справедливо отмечали слушатели факультета подготовки руководителей горрайорганов практически во всех слоях нашего общества манеру изъясняться, близкую к традициям преступного мира. На наш взгляд, речь не идет о криминализации языка, а скорее о том, что граница между сленгом и литературным языком все более размывается, а жаргон становится всеобщим. Лингвисты всегда говорили о табуированности нелитературной лексики. Но сегодня она вырвалась на свободу, и мы встречаемся с ней не чаще, а просто там, куда раньше ей путь был заказан.

Специалисты отмечают наряду с национальными и государственными потрясениями, как правило, и значительные изменения в языке. Раньше «на фене ботал» тот, кому и положено было так говорить. Сегодня вульгарная речь становится официальным средством общения. А.М. Горький как-то заметил о таких словечках, что «все это даже не мякина, не солома, а вредный сорняк, и есть опасность, что семена его дадут обильные всходы, засорят наш богатый, сочный, крепкий литературный язык». К сожалению, это предсказание во многом оказалось пророческим. Об этом свидетельствует состояние нашего языка сегодня. Примеров – масса. Чего стоят, например, слова, которые мы слышим от известных людей: «Халавы не будет!», «Госпиталь работает на полную коечную мощность», «Кабинет опечатан членами комиссии», «Смерть наступила в результате прекращения жизни», «Российские окорочка продаются только вместе с куриями», «Меня заказали», «У меня к русскому языку претензий нет»!

Кроме бранной лексики есть еще одна опасная болезнь – жаргонизация нашей речи. Социальными и профессиональными разновидностями языка (жаргонами и аргом) называют речь профессиональных прослоек, поставленных в особые, обособленные условия жизни и общения. Это особый словарь – лексика и фразеология, возникшие на базе общенационального языка в определенных исторических условиях и в силу разных причин, которые используются теми или иными группами людей, близких по профессии, социальному положению. Как пример можно привести условные языки старых русских торговцев (офеней-коробейников), ремесленников. Условные (профессиональные) аргом возникали также в среде деклассированных элементов и преступников – они известны во многих языках мира. Например, воровское аргом.

При относительной единовозрастности той или иной группы говорящих жаргонная речь выступает как характерная черта языка поколения, особенно молодого. Это и дает возможность говорить о современном молодежном жаргоне (сленге) как одном из социально-речевых стилей нашего времени. Основу нашего молодежного сленга составляет студенческий жаргон.

В книге «Живой как жизнь» К.И. Чуковский говорил о том, что существование молодежного жаргона в целом довольно правомерно, плохо лишь то, что это дурной жаргон. Однако, полагал писатель, особенно горевать на этот счет не стоит: молодежный жаргон, во-первых, «болезнь роста», им надо переболеть, как корью; во-вторых, он недолговечен и быстро выходит в тираж, постоянно обновляясь; в-третьих, он почти не влияет на общелитературный язык.

Однако, если эта болезнь затягивается, то язык в таком случае жестоко мстит за себя. Жалок тот, кто вне школьной или студенческой среды сыплет пустыми и лихими внешне словечками вроде *колоссально, клево, кайф, прошивырнуться, оттянуться, чувиха* или *герла*. И в языке, и в жаргоне отражается сознание говорящего. Общество в целом может не принимать картину мира, отраженную в воровском жаргоне. Но даже отдельные словечки (*на халяву, беспредел, разборка, темнить, вешать лапшу на уши, лечить*), которые мы используем как выразительные средства, несут в себе «заряд» психологии уголовного мира. «Растоптали и замусорили русский язык», – говорил А.И. Солженицын, имея в виду в первую очередь засилье элементов «блатной музыки», лагерного жаргона.

Современную речевую ситуацию характеризуют, с одной стороны, активное обогащение словаря (поток заимствований, терминологической лексики, продвижение жаргонных единиц в литературный язык), а с другой – обеднение определенных фрагментов словаря, в значительной степени обусловленное изменением круга чтения, девербализацией культуры.

Педагоги, психологи, культурологи с большой тревогой говорят сегодня об экспансии экранной культуры, вытесняющей культуру чтения. Как известно, читающий человек иначе мыслит, обладает большим запасом слов. Известный философ С.Витгенштейн указывал: «Границы моего сознания определяются границами моего языка». Однако черты языковой личности определяются не только количеством, но и качеством прочитанного, свойства создаваемых речевых произведений (текстов) зависят от свойств регулярно перерабатываемых текстов, представляют собой результат их переработки. Выдающийся русский ученый М.М. Бахтин писал о том, что «индивидуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями». Между тем известен опыт современного филолога Виктора Шаповала, попытавшегося перевести шедевры словесности на молодежный сленг для того чтобы хотя бы так возбудить интерес к литературе у современной молодежи. Вот, например, что из этого получилось (речь идет о 66 сонете Шекспира, в котором есть такие строки: «Измучась всем, я умереть хочу...»): «Достатый в пень, готов я жать на стоп. Мне жить в ломы, где пашут за ништяк...».

Примечательно, что писатель И.Волгин с тревогой отмечает: «Есть какая-то тайная связь между ослабевшей грамматикой и нашей распавшейся жизнью. Путаница в падежах и чудовищный разброд ударений символизируют о некоторой ущербоности бытия. За изъятиями синтаксиса вдруг обнаруживаются дефекты души. <...> Повреждение языка – это, помимо всего прочего, и повреждение жизни, неспособной выразить себя в ясных грамматических формах и поэтому всегда готовой отступить в зону случайного и незаконного. Язык – неписаная конституция государства, несоблюдение духа которой ведет к гибели всякую (в том числе и духовную) власть»⁹. По мнению автора, у многих носителей русского языка, в т.ч. и получающих высшее образование «будущих интеллектуалов», исчезло естественное чувство стыда за грубые ошибки в письменных текстах; во всеобщем «празднике вербальной свободы» участвуют и те, кому по роду деятельности следовало бы отстаивать идеалы отечественной словесной культуры (достаточно вспомнить всем известное: нАчать, углУбить, возбУждены, грАжданство, средствА, ихний, в спиртных напитках замечен не был и т.д.).

Особое влияние оказывают на состояние речевой культуры средства массовой информации, чье мощное воздействие испытывает на себе каждый человек ежедневно. Вольно и невольно мы прислушиваемся к ним, считаемся с ними. Средства массовой информации для многих носителей языка служат основным источником представлений о языковой норме, они формируют языковой вкус, с ними справедливо связывают и многие болезни языка и речи. Поэтому речевая неряшливость, приверженность штампам, увлечение «модными» словами, словосочетаниями и предложениями, обнаруживающиеся во многих передачах, расшатывают наши представления о допустимом и недопустимом в языке и речи. А если вспомнить так называемые рекламные «слоганы» (например, печально известный «Лакомый кусочек для белозубой улыбки»), то станет понятным волнение филологов о «загрязнении языковой среды» – ясно, что все это не может не оказывать пагубного влияния на речевую культуру носителя языка.

Простой анализ речевого поведения наших соотечественников высвечивает отсутствие у них навыков свободного общения, умения устанавливать связь с аудиторией, а порой и владеть своим голосом и нормально произносить звуки, передавать мелодику русского произношения. Именно мелодика русского произношения превращает наш язык в один из красивейших в мире. А пока побеждает мода на слово «житейское», «кухонное», написанное и произнесенное кое-как. Телеграфная манера так называемых «деловых» диалогов, беглость и краткость не столько фраз и слов, сколько звуков, заглатывание их: «грю» вместо «говорю», «чек» вместо «человек», «щаз» вместо «сейчас»

уродуют речь, превращают язык в бессмысленный и холодный набор знаков общения, но не в средство воздействия на собеседника. Даже у артистов и дикторов не хватает ни голоса, ни дыхания, ни интонационных красок.

А между тем, результаты социологического опроса, проведенного среди курсантов и слушателей Санкт-Петербургского университета МВД России о том, какие качества они ценят больше всего, непременно натолкнут нас на размышления. Респонденты так расставили приоритеты:

1. Способность к устной коммуникации – 84 %.
2. Чувство ответственности – 80 %.
3. Собранность, внутренняя дисциплина – 75%.
4. Энергичность – 54%.
5. Организаторские способности – 47%.
6. Внешние данные – 30 %.

Итак, мы, свободные и раскрепощенные в своем речевом поведении, не должны забывать, что речь во всем многообразии своих форм обслуживает все области культуры, она не просто оболочка, а органическая часть духовной культуры: знания формируются, сохраняются и передаются в речевых формах, в текстах; интеллект и эмоции живут и передаются из поколения в поколение тоже через речь, текст (даже в электронной записи); такие области эстетического осознания мира и людей, как поэзия, песня, театр, вся литература – тоже не что иное, как речь. Культура своего «я», внутренняя культура индивида, его память – тоже речь, внутренняя.

Вся жизнь человека управляется в его внутренней речи, в общении с самим собой: он сам отдает себе приказы, применяет по отношению к самому себе волевые усилия, убеждает, уговаривает себя. Он одобряет свои действия и решения, но и критикует сам себя – это его совесть – «когтистый зверь», беспощадный судья...

Духовная культура в ее личном проявлении развивает в человеке человека, формирует личность – она не мыслится без внутренней жизни и без внешнего общения – и все это речь. Поистине, «я мыслю – значит, я существую».

Однако необходимо сделать одно существенное замечание. Нельзя ратовать за «стерильный язык», напоминающий дистиллированную воду, лишённую всякого вкуса. Об этом очень красочно сказал Илья Фоняков:

*«Свои слова у времени любого.
Нелепые, смешные иногда,
Мне с детства, например, известно слово
“Буза”, что означает “ерунда”.
Мы говорили в юности: “Железно!”
Махнув рукой, бросали: “А, ништяк!”
А упрекать нас было бесполезно,
Что классики не изъяснялись так».*

Литература

- Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М., 1984.
 Бельчиков Ю.А. Говорите ясно и просто. М., 1999.
 Васильева А.Н. Основы культуры речи. М., 1990.
 Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно! М., 2000
 Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1988.
 Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Секреты хорошей речи. М., 1993.
 Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1989.
 Граудина Л.К., Дмитриева О.Л., Новикова Н.В., Ширяев Е.Н. Мы сохраним тебя, русская речь! М., 1995.
 Григорьева-Голубева В.А. Культура русской речи. СПб., 2000.
 Клубков П.А. Говорите, пожалуйста, правильно. СПб., 1999.
 Костомаров В.Г. Жизнь языка. М., 1994.
 Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.
 Культура устной и письменной речи делового человека. М., 1997.
 Люстрова З.Н., Скворцов Л.И., Дерягин В.Я. О культуре русской речи. М., 1987.
 Мучник Б.С. Культура письменной речи: Формирование стилистического мышления. М., 1996.
 Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. Секреты стилистики. Правила хорошей речи. М., 1996.
 Романов А.А. Грамматика деловых бесед. Тверь, 1995.
 Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980.
 Служевская Т.Л. Уроки русской словесности. СПб., 1994
 Сопер П. Основы искусства речи. М., 1995.

Успенский Л.В. Культура речи. М., 1976.
Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989
Ханини М.И. Как научиться красиво и правильно говорить. СПб., 1997.
Чуковский К.И. Живой как жизнь. М., 1962.

- ¹ См.: Выготский Л.С. Собрание сочинений. М., 1984. С. 111.
² Цит. по: Ораторы Греции. М., 1984. С. 58
³ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1984. С. 6.
⁴ Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. СПб., 2004. С.74.
⁵ См.: Русский язык конца XX столетия. М., 1996.
⁶ См.: Нагибин Ю. Умирующий жанр // Культура. 1922.
⁷ См.: Апресян Ю.Д. О состоянии русского языка // Русская речь. 1992.
⁸ См.: Сопер П. Основы искусства речи. 1992.
⁹ См.: Литературная газета. 1993. № 34.

И.М. Дугин*

Концепция нравственного воспитания учащихся кадетских корпусов России

1. Социальная обусловленность и практико-научная необходимость концепции

Необходимость разработки Концепции нравственного воспитания учащихся кадетских корпусов России (далее Концепции) обусловлена следующими объективными обстоятельствами.

Во-первых, традиционно высокой значимостью нравственных качеств в структуре личности российского офицера.

Во-вторых, проявлениями бездуховности, аморальности, эгоизма в поведении определенной части кадетов, размытостью нравственных ориентиров в содержании их мировоззрения.

В-третьих, необходимостью совершенствования подготовки офицерских кадров, обладающих совокупностью профессиональных и духовных качеств, позволяющих обеспечить надежную безопасность России в XXI в.

Основными причинами разработки Концепции, связанными с потребностями развития педагогической теории и практики, являются:

– во-первых, противоречивость во взглядах на основные теоретико-методологические проблемы нравственного воспитания в современной педагогической науке, отсутствие в ней общепризнанной системы принципов, методов, форм нравственного воспитания молодежи, адекватной современному уровню развития научного знания о человеке;

– во-вторых, потребностью командного и преподавательского состава кадетских корпусов в овладении современной методикой нравственного воспитания учащихся;

– в-третьих, отсутствием исследований, посвященных целостному анализу процесса нравственного воспитания учащихся кадетских корпусов в современных условиях;

– в-четвертых, необходимостью использования в педагогическом процессе позитивного исторического опыта организации нравственного воспитания кадетов, суворовцев и нахимовцев.

2. Методологические и мировоззренческие основания Концепции

2.1. Современная Концепция нравственного воспитания учащихся кадетских корпусов должна базироваться на методологических и мировоззренческих идеях, обеспечивающих целостное представление о человеке как субъекте нравственного опыта и объекте нравственного воспитания. Идея целостности приобретает в современной педагогической науке особую методологическую значимость.

2.2. Отечественными исследователями в качестве мировоззренческих и методологических оснований для обоснования теории и практики нравственного воспитания используются следующие подходы: религиозно-теософский, деятельностный, личностно-ориентированный, синергетический, антропологический.

* Доцент кафедры педагогики и психологии Военной инженерной космической академии им. А.Ф. Можайского, кандидат философских наук.